

Голда Меир, 1964. Фото: Willem van de Poll, nationaalarchief.nl

На сегодняшний день Голда Меир — пожалуй, самая известная киевлянка в мировой политике. Министр внутренних дел Израиля, глава МИД, премьер-министр страны, наконец, почетный президент Социалистического интернационала — на перечисление ее титулов и должностей не хватит и абзаца.

Голда оставила весьма подробную автобиографию, что не мешает историкам посвящать этой женщине все новые труды. Один из них принадлежит перу американской писательницы, профессору истории Элинор Баркетт, известной

своими публикациями в The New York Times, Rolling Stone и Harper's Bazaar. Автор книги, выпущенной в украинском переводе издательством «Віват», изучила сотни архивных документов, исследуя судьбу своей героини.

Книга Элино́р Барке́тт

*Мемориальная доска Голде Меир,
ул. Бассейная, 5а, Киев*

Мы же в свою очередь, предлагаем вашему вниманию [опубликованную](#) много лет назад контроверсальную статью Михаила Гольда, посвященную нашей землячке. В этом материале фигура единственной женщины — премьер-министра Израиля, описана без привычной восторженности и с изрядной долей критики.

8 декабря 1978 года в Тель-Авиве ушла из жизни одна из самых известных киевлянок, биография которой полна эпитетов «первая» и «единственная». Первый посол еврейского государства в СССР, первая женщина-министр иностранных дел и, наконец, первая и единственная дама — премьер-министр Израиля, которую почти весь мир называл просто Голда.

Специфическая, в стиле «а идише мамэ», харизма Голды Меир намного

превышала ее реальные достижения на политическом поприще, но в памяти израильтян она так и осталась «бабушкой нации», заботливой и в то же время назидательно-строгой.

Как политик будущий премьер сформировалась в то, уже кажущееся неправдоподобным время, когда она — секретарь исполкома Гистадрута (Федерации трудящихся) — получала меньше, чем сторож профсоюзного офиса, ведь у него было девять детей, а у Голды только двое. И в этом, по воспоминаниям самой Меир, в последние годы жизни — почетного президента Социалистического интернационала, был «добрый социалистический смысл».

Голда в 1914 году, Милуоки, США

На полях кибуца Мерхавия, 1920-е

В 1928-м, расставшись с мужем Моррисом, она целиком посвящает себя борьбе за создание еврейского государства, хотя Бен-Гурионовскую характеристику «Голда Меир — единственный мужчина в моем кабинете» комплиментом никогда не считала и отнюдь не была феминисткой.

Первая крупная политическая дилемма встает перед Голдой в конце 1937 года, когда Британия выдвинула так называемый план Пиля,

предусматривавший создание крохотного, но все же суверенного еврейского государства. Большинство ишува во главе с Бен-Гурионом было за раздел подмандатной Палестины, Меир же такое государство казалось нежизнеспособным. До конца дней она успокаивала себя тем, что Израиль не возник тогда из-за категоричности арабских лидеров, начисто отвергших раздел, иначе трагедия европейского еврейства была бы и на ее совести.

Через десять с лишним лет, когда раздел становится, наконец, реальностью, Голда — глава политического отдела Еврейского агентства, объезжает полмира, мобилизуя сторонников Израиля. «Еврейское население в Палестине будет сражаться до конца, заявляет она в Америке. Если у нас будет оружие — мы будем сражаться этим оружием. Если у нас его не будет, мы будем драться камнями».

Главой из шпионского романа выглядит ее встреча с королем Трансиордании Абдаллой за считанные дни до провозглашения государства. В традиционном арабском платье и парандже Голда со своим спутником — евреем, говорящим по-арабски, отправляется в Амман, по дороге меняя машины. В назначенном месте их ждет человек, который должен провести тайных гостей в королевский дворец.

На подписании Декларации независимости Израиля, 14 мая 1948

Встреча прошла в лучших традициях восточного этикета. Впрочем, иорданский монарх был вполне искренне расположен к евреям, но... выступить против воинствующей позиции Арабской лиги не посмел.

Разочарованная нерешительностью короля, Голда Меир подытожила: «Значит, будет война, и мы победим». Абдалла лишь согласился, что евреи вынуждены исполнить свой долг, и добавил с грустью, что события должны идти своим чередом.

Этот хрестоматийный, вошедший во все учебники по истории Израиля, эпизод оценивается сегодня далеко не однозначно. Но все споры о том, уместно ли было отправлять женщину, пусть и занимающую ответственный пост, на переговоры к традиционному арабскому монарху, нисколько не умаляют личного мужества Меир.

Популярность Голды за «железным занавесом» и не только среди евреев (вспомните хотя бы «...вот место Голды Меир мы прохлопали») началась с ее

краткого, но яркого пребывания в должности первого посла в СССР. Размноженная в тысячах экземпляров (и воспроизведенная даже на банкноте в 10 шекелей) любительская фотография, сделанная в Рош а-Шана 1948 года, когда пятидесятитысячная толпа советских евреев криками «наша Голда» восторженно приветствовала посла Израиля в московской синагоге, ходила по рукам много десятилетий.

И это несмотря на вышедшую накануне в «Правде» статью-предупреждение Ильи Эренбурга о том, что государство Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза, где нет еврейского вопроса... Сталинский намек адресовался не только советским евреям, но и расшифровывал для израильских посланников реалии страны пребывания.

Фото толпы у московской синагоги, встречающей Голду Меир, воспроизведенное на банкноте

Едва начавшись, советско-израильский медовый месяц оборвался очень резко и болезненно жестоко. Еврейский театр, газета «Эйникайт», издательство «Эмес» были закрыты буквально через считанные недели после публичного выражения любви к послу государства, которое «не имело никакого отношения к евреям Советского Союза». Последовавшая за этим кампания по борьбе с космополитами окончательно развеяла малейшие иллюзии в отношении сталинского подхода к национальному вопросу.

Способствовало ли этому поведение израильского посла — вопрос спорный, хотя известна сталинская ремарка по поводу активности Голды: «Умные люди прислали глупую женщину». Приревновал Хозяин...

Впрочем, к началу 1949-го экс-посол уже вернулась в Израиль, чтобы занять в первом правительстве страны пост министра труда. Начиналось время тотальной карточной системы и строгого нормирования продуктов — 75 граммов мяса в месяц на человека, 8 граммов вермишели в день, 17 граммов риса, 20 граммов крупы... Правда, министры еврейского государства, в отличие от своих коллег в Стране победившего социализма, часами проводили в очередях за несколькими картофелинами, тремя яйцами и мороженой рыбой. Для идеалистки Меир, приехавшей в начале 1920-х из благополучных Штатов в заброшенную Палестину, более тридцати лет не пользовавшейся косметикой и никогда не имевшей больше двух платьев одновременно, это было естественно и соответствовало понятиям о равенстве и эгалитаризме.

В 1956-м она становится министром иностранных дел. Предварительно, по просьбе Бен-Гуриона, сменив, наконец, «галутную» фамилию Меерсон на ивритскую Меир — госчиновникам предписывалось тогда гебраизировать свои ФИО. Оказавшись первой женщиной, возглавившей МИД, на вопрос, как чувствует себя дама в этой должности, она пожимала плечами: «Откуда мне знать, я никогда не была мужчиной в должности министра иностранных дел».

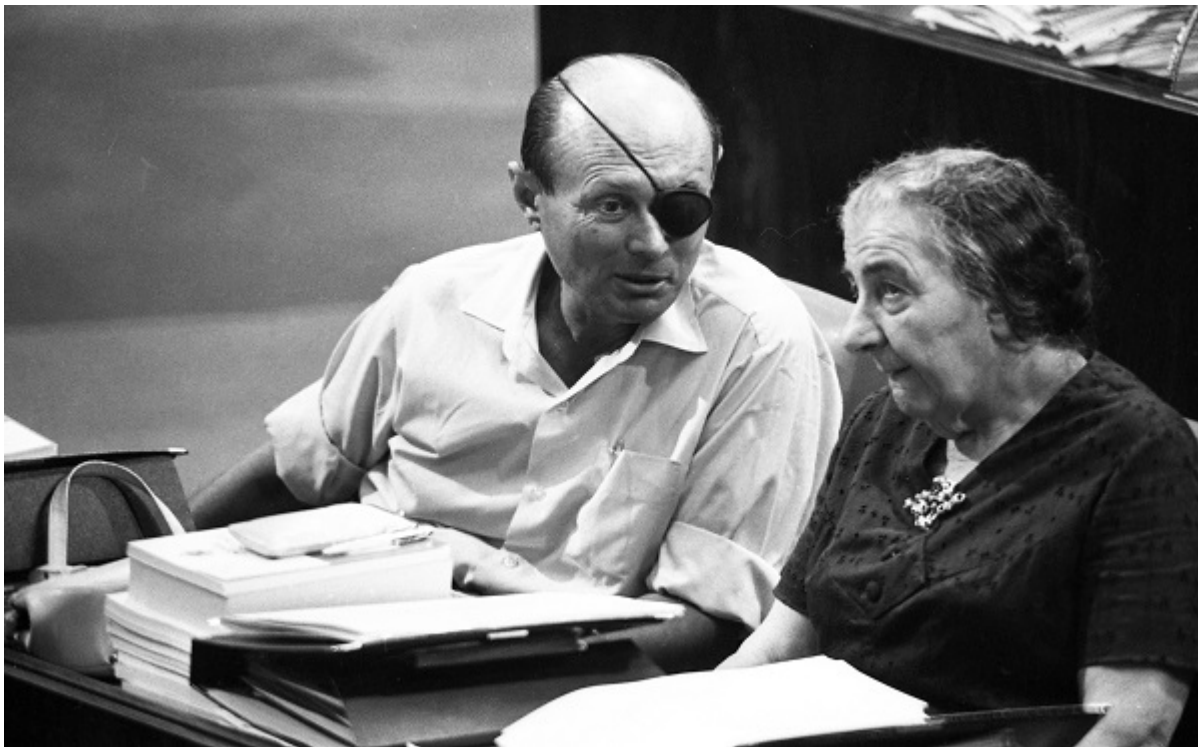
Голда на обложке TIME

На конец 1950-х приходится роман Израиля с черной Африкой, в судьбе которой Меир виделись параллели с многострадальной судьбой еврейского народа. Именно тогда в Израиль хлынули студенты из только что освободившихся колоний, а отныне — полноправных членов ООН, благосклонных к еврейскому государству. В свою очередь израильские врачи, агрономы и инженеры потянулись в Гану, Верхнюю Вольту, Эфиопию...

Шестидневную войну Голда встретила в почетной должности секретаря правящей партии МАПАЙ, казалось, последней в карьере этой уже немолодой и не очень здоровой женщины. Но человек предполагает, а Б-г... В феврале 1969-го в результате сердечного приступа умирает премьер-министр Леви Эшколь. Главные претенденты на кресло премьера — национальный герой, сверхпопулярный Моше Даян и заместитель главы кабинета Игал Аллон. Оба — достаточно молоды, амбициозны и готовы к соперничеству. А посему партия, во избежание потрясений, призывает компромиссную фигуру — Голду Меир, чей рейтинг популярности составляет всего 3(!) процента. Временно, разумеется, до грядущих вскоре выборов...

«Временно» растянулось на пять лет, а убежденной социалистке Голде

суждено было стать одним из главных ястребов за всю историю Израиля. Ее внешнеполитическое кредо укладывается в строки популярной песни тех лет «Весь мир против нас». Так она отказывает председателю Всемирной сионистской организации д-ру Гольдману в праве представлять Израиль на переговорах с президентом Египта Насером. Возмущенные этим 70 выпускников школ в коллективном письме обвиняют главу правительства в «упущенном шансе к достижению мира» и отказываются «выполнять свой армейский долг под лозунгом «выбора нет» — случай для тогдашнего Израиля, где армия еще была одной из «священных коров», экстраординарный.

С Моше Даяном. Фото: Национальная библиотека Израиля

В 1971-м Голда решительно отвергает одобренный даже Даяном мирный план посланника ООН Гуннара Яринга, предполагавший отступление Израиля с Синайского полуострова. План, который, возможно, предотвратил бы кровопролитную войну Судного дня, черная тень которой омрачала Голде последние годы жизни. План, который с небольшими изменениями был принят Бегинем за основу заключенного спустя семь лет Кемп-Дэвидского договора.

«Железная бабушка» после всего пережитого ее народом относилась с

большим недоверием к доброжелательным советам», — заметил как-то коллега Голды по Социнтерну канцлер ФРГ Вилли Брандт. И, несмотря на это, мир уважал ее, возможно, за эту самую непреклонность и, по словам самой Голды, неготовность превратиться в глиняных голубков, чтобы заслужить симпатии мирового сообщества.

В социальной сфере успехи премьерера тоже были отнюдь не блестящи. И если приметы той эпохи — запрет на гастролы «Битлз» и «труссы Голды», — неудобное трико для девушек-солдаток, давно превратились в добродушный фолк, то о сефардском движении протеста этого не скажешь.

«Неприятные парни» — это все, что смогла выдать из себя глава правительства после встречи с лидерами «Черных пантер» — молодежью из бедных «восточных» кварталов, где ненависть к ашкеназскому истеблишменту стала приобретать наследственные черты. Масла в огонь межобщинной напряженности подлили и льготы новым репатриантам из Советского Союза, которые в начале 1970-х стали прибывать в Израиль, льготы, которые государство просто не могло позволить себе в 1950-е для олим из арабских стран.

На трибуне премьер-министра, 10 марта 1974

...и на своей кухне. Фото: Д.Рубингер

Все эти проблемы и вольные или невольные просчеты отошли на второй план по сравнению с грандиозными ошибками, приведшими к войне Судного дня. Головокружение от успехов, вызванное блестящей победой в Шестидневной войне, самоуверенность и шапкозакидательские настроения привели к огромным потерям 6–8 октября 1973 года. А ведь за неделю до этого окружавшие Голду именитые военачальники в один голос утверждали, что совместное нападение Египта и Сирии маловероятно. Задним числом Голда признавалась, что должна была «прислушаться к голосу своего сердца и объявить мобилизацию. ...Мне предстоит прожить с этим ужасным знанием всю оставшуюся жизнь». А в те дни 75-летняя старушка не покидала резиденцию более чем на час и спала четыре часа в сутки, иногда прямо на своем рабочем столе. Только твердость Голды удержала Моше Даяна от телевыступления перед нацией, где тот собирался поведать народу чудовищную правду о положении на фронтах. Та война (как и все остальные) окончилась для Израиля победой. Но слишком дорогой победой, к которой как нельзя лучше подходит меировский афоризм: «У нас было секретное оружие — отсутствие альтернативы».

Возможно, ей простили бы и это, но слишком уж циничными выглядели выводы государственной комиссии, расследовавшей причины неготовности Израиля к войне.

Могила Голды на горе Герцля в Иерусалиме

Свалив всю ответственность на армейское командование, правительство рассчитывало выйти сухим из воды, и это переполнило чашу общественного терпения. Голда подает в отставку, и ее знаменитая «политическая», а на самом деле вполне реальная кухня, где она, в жарких спорах, выпивая до двадцати чашек кофе в день и выкуривая по две пачки сигарет, принимала важнейшие решения, становится частью истории.

По иронии судьбы уход этой женщины завершил эпоху отцов-основателей. Преемники Голды, будь то любимец Ицхак Рабин или презираемый Менахем Бегин принадлежали уже к совсем другому поколению. «Пожилая дама», как называл ее Бегин, умерла за два дня до официального вручения ему, бывшему «террористу» Бегину и президенту Египта Садату Нобелевской премии мира. Накануне, узнав о намерениях нобелевского комитета, Голда не могла сдержать раздражения, едко заметив, что миротворцам больше подошел бы «Оскар». Вырвать этот мир у нее, которая приказывала будить себя в любое время ночи, получив сообщение о гибели израильского солдата на Суэцком канале, ее, повторявшую, что она никогда не простит арабам того,

что «они заставили стрелять наших сыновей в их сыновей», ее, с трибуны ООН заявлявшую, что «Израиль протягивает руку мира своим соседям». И ее родная партия пошла за этим демагогом?! Мир и впрямь перевернулся.

Но даже в этом новом мире кое-что осталось. Память о беззаветной преданности стране, материнском тепле к ее сынам — и страстной вере в их правоту. Память о женщине по имени Голда...